

Рабенко Т. Г. Обыденная семантика бионимов *орел* / *эзир* в русском и тувинском языках (по результатам лингвистического эксперимента) / Т. Г. Рабенко, Ц. С.-Б. Нурзет // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 82—99. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-82-99.

Rabenko, T. G., Nurzet, Ts. S.-B. (2023). Ordinary Semantics of Bionym *Orel* and *Ezir* [*Eagle*] in Russian and Tuvan Language (Results of a Linguistic Experiment). *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 82-99. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-82-99. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-82-99

**Обыденная семантика
бионимов *орел* / *эзир*
в русском и тувинском
языках (по результатам
лингвистического
эксперимента)**

Рабенко Татьяна Геннадьевна^{1 *}

orcid.org/0000-0003-3434-8542

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры
стилистики и риторики

*** корреспондирующий автор**

tat.rabenko@yandex.ru

**Нурзет Цэринчимэд Суге-
Баадырович²**

orcid.org/0000-0003-2373-6152

аспирант кафедры
русского языка и литературы
tchimed@vk.com

¹ Кемеровский
государственный университет
(Кемерово, Россия)

² Алтайский государственный
гуманитарно-педагогический
университет имени В. М. Шукшина
(Бийск, Россия)

**Ordinary Semantics
of Bionym
Orel and *Ezir* [*Eagle*]
in Russian and Tuvan
Language (Results
of a Linguistic Experiment)**

Tatyana G. Rabenko^{1 *}

orcid.org/0000-0003-3434-8542

Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of Department
of Stylistics and Rhetoric

*** Corresponding author**

tat.rabenko@yandex.ru

Tserinchimed S.-B. Nurzet²

orcid.org/0000-0003-2373-6152

Postgraduate Student, Department
of Russian Language and Literature
tchimed@vk.com

¹ Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

² Shukshin Altai State University
for Humanities and Pedagogy
(Biysk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты сопоставительного анализа обыденной семантики бionимов *орел* / *эзир* в русском и тувинском языках. Актуальность исследования определяется его вписанностью в проблематику современной этноконцептологии в той ее части, которая сопрягается с описанием обыденной семантики в языках разных этносов. Научная новизна исследования обусловливается использованием методологических приемов, позволяющих проследить участие разных слоев семантики в концептуализации слова и выявить значимость в этом процессе различных факторов (объективных свойств референта и национально-культурных особенностей информантов). Установлено амбивалентное восприятие орла в русской и тувинской лингвокультурах. С одной стороны, это сильная, величественная птица, символически воплощающая собой все мужские добродетели (силу, статью, гордость), пользующаяся особым почитанием и избираемая в качестве государственного символа. С другой стороны, орел ассоциируется с птицей хищной и опасной. Мифологическое восприятие орла как царственной птицы, выполняющей роль посредника между Небом и Землей, более явно прослеживается в тувинской лингвокультуре. В обыденном представлении носителя тувинского языка орел воплощается как «танцующая» птица, подражание полету которой наполнено этнокультурным смыслом и связано с этнокультурной идентификацией.

Ключевые слова:

этноконцептология; концептуализация; национальная картина мира; обыденная семантика; лингвистический эксперимент; бionим; орел.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of a comparative analysis of the everyday semantics of the bionym *Orel* and *Ezir* [*Eagle*] in the Russian and Tuvan languages are presented. The relevance of the study is determined by its incorporation into the problems of modern ethnoconceptology in that part of it that is associated with the description of everyday semantics in the languages of different ethnic groups. The scientific novelty of the study is due to the use of methodological techniques that allow us to trace the participation of different layers of semantics in the conceptualization of a word and to reveal the significance of various factors in this process (the objective properties of the referent and the national and cultural characteristics of the informants). The ambivalent perception of the eagle in Russian and Tuvan linguistic cultures has been established. On the one hand, it is a strong, majestic bird, symbolically embodying all male virtues (strength, becoming, pride), enjoying special reverence and elected as a state symbol. On the other hand, the eagle is associated with a bird of prey and danger. The mythological perception of the eagle as a royal bird, acting as an intermediary between Heaven and Earth, is more clearly seen in the Tuvan linguistic culture. In the ordinary view of a Tuvan native speaker, the eagle is embodied as a “dancing” bird, the imitation of the flight of which is filled with ethnocultural meaning and is associated with ethnocultural identification.

Key words:

ethnoconceptology; conceptualization; national picture of the world; ordinary semantics; linguistic experiment; bionym; eagle.

Обыденная семантика бионимов *орел* / *эзир* в русском и тувинском языках (по результатам лингвистического эксперимента)¹

© Рабенко Т. Г., Нурзет Ц. С.-Б., 2023

1. Введение = Introduction

В настоящей работе представлены результаты сопоставительного изучения двух национальных языковых картин мира через описание обыденной семантики бионимов *орел* / *эзир* в русском и тувинском языках.

Актуальность исследования определяется его вписанностью в проблематику современной этноконцептологии в той ее части, которая связана с описанием обыденной семантики разных этносов, что основывается на исходном теоретико-методологическом положении об инвариантности бытия в его национально-этнической интерпретации. Научная новизна исследования обуславливается использованием методологических приемов (эксперимент по выявлению функционально-семантической многослойности лексемы), позволяющих проследить участие разных слоев семантики в концептуализации слова и выявить значимость в этом процессе различных факторов — свойств референта (физических, биологических, поведенческих) и национально-культурных особенностей информантов.

Идея статуйирования языка как культурного кода нации является ключевой в современной лингвистике. Язык представляется не просто орудием общения, а средством познания, накопления и хранения культурно-значимой информации. Будучи основным инструментом познания, язык закрепляет результаты познавательной деятельности человека. С помощью языка человек получает обобщенные знания и вместе с тем разделяет явления действительности на составные элементы, классифицирует их; выявляя сходства и разли-

1 Исследование выполнено с использованием оборудования Центра коллективного пользования научным оборудованием КемГУ в рамках соглашения № 075-15-2021-694 от 05.08.2021, заключенного между Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Кемеровский государственный университет». // The research was conducted on the equipment of the Research Equipment Sharing Center of Kemerovo State University, agreement No. 075-15-2021-694 dated August 5, 2021, between the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Minobrnauka) and Kemerovo State University (KemSU).

чия объектов, подводит новые объекты к категории уже известных ему объектов. «Каждый язык <...> по-своему членит мир, то есть имеет свой способ его концептуализации» [Маслова, 2018, с. 9], иначе — осмысления и интерпретации знаний о мире, строящихся на основании определенных моделей, категорий и стереотипов конкретного языка. В рамках концептуализации человек «осмысливает поступающую к нему информацию, образует в своем сознании концепты, отражающие его собственное видение окружающего мира» [Кубрякова, 2004, с. 315]. Будучи важнейшим видом концептуализации, языковая концептуализация сопрягается с «обогащением семантики определенного понятия признаками, заимствованными из семантики языковых показателей, лексикализирующих это понятие» [Воркачев, 2014, с. 17].

Актуализируя идею существования концептуального уровня в сознании человека [Бирвиш, 1981, с. 195; Демьянков, 1994, с. 29—30; Кубрякова, 2004, с. 314; Павиленис, 1983, с. 100], мы исходим из признания амбивалентной связи неязыкового уровня концептуальной репрезентации знания и языкового уровня значения. С одной стороны, семантический уровень языка противопоставлен концептуальному уровню. С другой стороны, языковое выражение предстает как «интерпретация восприятий окружающего мира в рамках концептуальной системы» [Ланге-Соболева, 2021, с. 30]. В процессе концептуализации действительности формируется картина мира — «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, 2007, с. 36]. В настоящем исследовании рассматривается картина мира, представленная в обыденном сознании. Последнее понимается как «особая форма осмысления накопленных, но не всегда освоенных знаний, которые могут быть итогом непосредственного личного опыта каждого; коллективного социального опыта; теоретических знаний, которые по своему происхождению лежат вне рамок обыденного знания и непосредственной жизненной практики» [Семашко, 2003, с. 9; Мосиенко, 2014, с. 251].

Цель настоящего исследования в воссоздании фрагмента языковой картины мира через посредство описания обыденной семантики бионимов *орел / эзир*, сформированной в повседневном коммуникативном опыте рядовых носителей русского и тувинского языков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В работе использован ряд методов, дифференцируемых на разных этапах исследования: на этапе сбора материала задействован метод лингвистического эксперимента, на этапе обработки и анализа материала — метод научного описания, сопоставительный метод, количественный прием статистического метода.

Обозначим методику проведения лингвистического эксперимента. В разработке анкеты для эксперимента использована методика сбора материала, предложенная авторами лексикографических проектов «Словарь обыденных толкований русских слов» [СОТРС, 2012] и «Разноязычный словарь обыденной семантики бионимов» (последний готовится к изданию). Об эвристических возможностях ассоциативной лексикографии в описании языковой картины мира см. [Голев, 2015, с. 3; Лебедева, 2019, с. 226; Уфимцева, 2019, с. 12].

Анкета включала шесть заданий.

«1. Какие ассоциации возникают у вас в сознании при восприятии слова «орел»?

2. Какие значения имеет данное слово?

3. Назовите первые пришедшие на ум фразы, в составе которых есть данное слово.

4. Какие предметы и явления могут быть названы данным словом? (Например, роза — название цветочного магазина).

5. Какие созвучные слова приходят вам на ум, когда вы слышите данное слово? (Например, волк — шёлк, смолк).

6. Как вы считаете, почему так названо явление, обозначенное данным словом?» [СОТРС, 2012, с. 4].

Задания были разработаны с целью эксплицировать различные уровни обыденной семантики: понятийной, концептной, ассоциативной. На данном этапе исследования осуществлена лишь предварительная систематизация разноязычного материала. В последующем предполагается его дифференциация с учетом характера экспликации разных слоев обыденной семантики: чувственно-ассоциативной (она сопряжена с первым вопросом), понятийной (связана со вторым вопросом), концептной (все последующие вопросы). Эксперимент проходил в очной форме и с помощью системы Google Forms. Задания предъявлялись респондентам на их родном языке. Метаязыком описания послужил русский язык, на который переводились результаты, полученные в ходе опроса на тувинском языке. При исследовании фиксировались все ответы, в том числе отрицательные, когда испытуемые не дали ответа (их количество обозначено в круглых скобках после общего количества положительных ответов).

Эмпирическая база исследования представлена следующим количеством реакций:

рус. 1 — 162 (отрицательные 0), 2 — 153 (6), 3 — 87 (15), 4 — 79 (22), 5 — 99 (19), 6 — 38 (62) (всего 625 реакций, плюс 124 отрицательных).

тув. 1 — 127 (5), 2 — 76 (24), 3 — 65 (36), 4 — 69 (31), 5 — 73 (33), 6 — 34 (66) (всего 444 реакций, плюс 195 отрицательных).

В лингвистическом эксперименте приняли участие по 100 испытуемых — носителей русского и тувинского языков. Это преимущественно студенты различных институтов ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» и ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина», ФГБОУ ВО «Кызылский педагогический колледж Тувинского государственного университета», а также 46 испытуемых — жителей сел Сарыг-Сеп, Дерзиг-Аксы, Эрзин (Тува).

Результаты проведенного эксперимента позволяют выявить как универсальные (то есть представленные в языковом сознании носителей различных языков) характеристики бионима, так и идиозмические, обусловленные национальной картиной мира и историко-национальными традициями носителей сопоставляемых языков. Квалифицируя те или иные характеристики бионима как универсальные, отметим, что степень проявления этих свойств (частотность ассоциаций, актуализирующих эти свойства) может значительно разниться в сравниваемых языках, что также определяет национальную специфику картины мира, отражаемой в языке.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

3.1. Универсальные свойства бионимов *орел* / *эзир*

Для носителей обоих языков орел — это птица: рус. *птица* 63; тув. *куш* (*птица*) 28. Типовая ассоциативная реакция — *хищная птица*. В 57 русскоязычных анкетах и 85 тувинских обнаруживаются ассоциации, объединенные семантическим признаком ‘хищник’: рус. *хищная птица* 24; *хищник* 18; *хищный* 3; *семейство ястребиных*; тув. *араатан куш* (*хищная птица*) 5; *эзир араатан-дыр* (*орел — хищник*).

Хищнические качества орла актуализируются в ассоциациях, объединяемых семой ‘охота’ (всего 12/11): рус. *Охотник* 5; *охота* 4; *охотится*; *нападение*; тув. *аңчы* (*охотник*) 4; *аңнаар куш* (*птица-охотник*) 4; *койгунарже аңнаар* (*охотиться на зайцев*); *олча* (*добыча*).

Как хищник орел представляется птицей грозной и опасной (всего 12/6): рус. *Грозный* 5; *грозная птица* 4; *опасность*; *опасный*; тув. *каржы куш* (*жестокая птица*) 3; *тек айыылдыг куш-дыр* (*очень опасная птица*); *шала коргунчуг* (*немного страшная*).

Восприятие орла как воинственной птицы эксплицируется в сравнительном обороте: *налетел, как орел*. См. *налететь* в знач. «Летя, напасть» [БТС, 1998, с. 587].

Образ орла-охотника поддерживается ассоциациями, полученными в ходе ответа на четвертый вопрос анкеты, определяющий возможные объекты номинации. В обыденном представлении носителей русского и

тувинского языков словом *орел / эзир* можно номинировать *магазин для охоты 2; магазин оружия; аңчы улустуң садыы (магазин охотника)*.

Определяя значение бионимов *орел / эзир*, носители задействованных в исследовании языков называют ассоциации, указывающие на внешние признаки птицы:

а) массивное телосложение орла¹ (всего 25/45): рус. *большой 11; большая птица 7; крупная птица 5; огромная птица*; тув. *улуг (большой) 34; эң улуг (самый большой) 4; дыка улуг (очень большой) 3; ыздыр кушкаш (крупная птица) 2; хөрээ делгем (широкая грудь)*;

б) длинные и широкие крылья (всего 7/5): рус. *с большими крыльями 6; размах крыльев*; тув. *чалгыннаары улуг (большие крылья) 2; чалгыннаары калбак куш (птица с большими крыльями); эң улуг чалгынныг (с самыми большими крыльями)*;

в) клюв с загнутым окончанием, что поддерживает семантику хищнического характера птицы (всего 5/2): рус. *клюв 3; с изогнутым клювом 2*; тув. *думчуу сыдырык (приплюснутый нос); думчуу ыргая берген куш (птица с кривым клювом)*; в русском языке тонкий нос с горбинкой называют *орлиным носом* [БТС, 1998, с. 726];

г) сильные ноги и острые длинные когти (всего 3/2): рус. *птица с острыми когтями; крупные, острые когти; сильные и сравнительно длинные ноги, с оперением до самих пальцев*; тув. *узун дырбактыг (с длинными когтями); дырбактары чидиг (с острыми когтями)*.

Преимущественно в ответах тувинских информантов представлены ассоциации, указывающие на окраску оперения орла (всего 2/17): рус. *черный 2*; тув. *хүрең өңнүг (бурого цвета) 6; кара өңнүг (черного цвета) 6; бажы ак (белая голова); куу (серый); сарыг (желтого)*; а также на значительный размер глаз и хвоста птицы: *карактары улуг (с большими глазами) 2, узун кудуруктуг (с длинным хвостом)*.

Представители обеих лингвокультур называют поведенческие качества орла. Среди них отличительные лётные свойства птицы (способность летать / парить высоко в небе): рус. *летать 6; полет 3; высота 3; высоко летает 2; символ высоты; он постоянно парит в вышине близко к Солнцу*; тув. *бедик ужар (высоко летает) 18; дээрде ужар (летающая по небу) 10; ужар (летать) 8; ужуп турар (летит орел) 5; дээрде эзир ужуп турар (в небе летит орел) 5; хүн 3 (солнце); өрү бедик черге ужар (летающая в высоких местах)*.

1 Значительный размер этой птицы лег в основу ее наименования. См.: *Орел* «общеслав. суф. производное (ср. козел, зяблик — от зябел — и пр.) от той же основы, что нем. Ааг “орел”, греч. ornīs “птица” и т. д. Исходно орел — “большая птица” (суф. -ль- первоначально был увеличительным)» [Шанский, 2001, с. 214].

Данная характеристика орла — «высоко парить в небе» — метафорически эксплицируется в сравнительных оборотах: *высоко паришь, как орел; высоко летаешь, как орел*. См.: *высоко летать* в знач. «занимать видное положение в жизни, в обществе» [Федоров, 2008, с. 343].

Общепризнанные незаурядные лётные качества орла актуализируются в ответах на вопрос: какие предметы и явления могут быть названы словом *орел*? Русскоязычные респонденты полагают, что этим словом могут быть названы *самолет; вертолет; турагенство; летающий аттракцион; парашют*.

В ассоциативном поле бионимов обнаруживаются ассоциации, объединяемые семантическим признаком ‘скоростная характеристика полета’. В тувинском языке этот признак вербализуется преимущественно посредством ассоциаций, обладающих национально-культурной спецификой: *Эзир-кара аът* (имя скакуна «Черный орел») 6; *эки аът* (хорошая лошадь) 2; *дүрген* (быстрый) 2. *Эзир-кара* — имя знаменитого тувинского скакуна, который неоднократно выигрывал конные скачки в 30-е годы прошлого века. Память о нем до сих пор живет в народе, тувинцы дают это имя своим лошадям.

Среди поведенческих характеристик орла отмечается гнездование (всего 7/12): рус. *гнездо* 3; *орел вылетел из гнезда*; тув. *эзир уязы* (гнездо орла) 7; *уя* (гнездо) 6.

Преимущественно в ответах представителей тувинской лингвокультуры обнаруживаются ассоциации, объединенные семантическим компонентом ‘пища’ (всего 3/12): рус. *мышки; может утащить собачку; в поле ловит мышь*; тув. *эът* (мясо) 2; *олча* (добыча), *аъи-чем* (еда); *каттар* (ягоды); *койгунарже аңнаар* (охотиться на зайцев); *эзир узун курту тудуп алган* (орел схватил длинного червя); *аъи-чем оорлаар хөлдөргө* (ворует еду в озерах); *хамык чүвени теп болур* (может что-нибудь украсть на лету); *чемин бооду тудуп чиир, өске бир чыткан өңга дөгбес* (сам добывает себе пищу, не трогает падаль).

Восприятие орла как хищной птицы актуализируется при вербализации его поведенческих качеств, связанных с добыванием пищи (всего 2/6). Атакуя свою жертву, орел рус. *нападает* 2; тув. *бичии амытаннарже халдаар* (нападает на маленьких животных) 2; *тириг амытаннарже халдаар* (нападает на животных) 2; *чүү-хөө тевер* (крадет всякое на лету); *куш чугле экизин теп алыр* (хватает только лучшую добычу). Орел — это *ооржу кушкаш* (птица-вор). Он *кажар* (хитрый). Для номинации действий, посредством которых орел добывает пищу, используются глаголы ЛСГ физического воздействия на объект: *нападать, набрасываться, хватать* — и ЛСГ отчуждения: *утащить, украсть, своровать* [БТСРГ, 2007, с. 183, 573].

В ответах русскоязычных респондентов отмечаются особенности издаваемого птицей крика (всего 8): рус. *громкие крики* 5; *громкая птица* 2; *орлиный крик*. При ответе на вопрос о возможной этимологии исследуемого бионима группа испытуемых (8 человек) связывает происхождение существительного *орел* с глаголом *орать*, основываясь на созвучии слов.

Носители задействованных в исследовании языков указывают место обитания птицы. Респонденты едины в определении места «проживания» орла — это горы, степь, лес, тайга (всего 28/49): рус. *тайга* 7; *горы* 5; *горная птица* 3; *степная птица* 2; *орел летает над лесом*; *каньон*; *дикие прерии*; *поля*; *степной орел*; тув. *даг (гора)* 5; *даглар (горы)* 4; *ыяш (лес, дерево)* 4; *арга (лес)* 3; *дагларга чурттаар (живет в горах)* 2; *хову (степь)* 2; *ховуга чурттаар (живет в степи)* 2; *хая-даштарга чурттаар (обитает в скалистых местах)*; *шөлдөрдө ужар куш (летает на озерах)*. Ассоциации, актуализирующие место обитания птицы, в большей степени обнаруживаются в ответах тувинских респондентов.

Представители задействованных в исследовании лингвокультур отмечают особые физические качества орла. Среди них прежде всего зоркость (всего 46/5): рус. *зоркость* 10; *хорошее зрение* 10; *зоркий* 6; *зоркость* 5; *острый глаз* 2; *зоркий глаз* 2; *острое зрение* 2; тув. *эки карактарлыг (имеет хорошее зрение)* 2; *карактары чидиг (с острым зрением)*.

Признак зоркости, отличающий орла, актуализируется в сравнительных конструкциях, метафорических номинациях, возникающих на основе этой физической способности птицы: рус. *орлиное зрение* 6; *орлиный глаз* 5; *зоркий, как орел* 6; *глаз, как у орла* 4; *меткий/острый/зоркий, как орел*; тув. *дидим карааның шоозу чидиг кижги (человек с острым зрением)*. Данный признак более частотен в ответах русскоязычных респондентов.

Образ орла как птицы, отличающейся зоркостью, наблюдательно, поддерживается ассоциациями, полученными в ходе ответа на вопрос о возможных предметах или явлениях номинации. В представлении испытуемых словом *орел* / *эзир* могут номинироваться *оптика* 4; *бюро слежки за людьми*; *кедениңи кижги (человек, который следит за кем-то)*. Признак зоркости эксплицируется в прецедентном тексте: «... нюх как у собаки, а глаз, как у орла» («Песня гениального сыщика»).

Помимо зоркости, орел отличается острым, пронизательным взглядом. Это качество орла — острый, пронизательный, гордый взгляд — метафорически воплощается в русских сочетаниях *орлиный взгляд* 6, *орлиный взор*, *смотреть орлом*, *смотреть свысока*.

Среди отличительных качеств орла его необыкновенная физическая сила (всего 18/13): рус. *сила* 11; *сильный* 6; тув. *куштүг (сильный)* 2; *шыгы-*

рак куикаш (могучая птица) 2; куштуг буттарлыг (с сильными ногами); куштуг чалгыннарлыг (с сильными крыльями).

Небывалая физическая сила орла, мифологизированная в представлении носителей обоих языков (и не только этих языков), восходит к культу орла, описанному Л. Я. Штернбергом [Штернберг 1925]. «... огромная сила этого хищного пернатого, дающая ему возможность уносить в своих когтях ввысь крупную добычу, в глазах примитивного (судя по материалу исследования, и современного. — Т. Р., Ц. Н.) человека ставит его выше самых крупных хищников сухопутных, окружая ореолом всемогущего существа» [Штернберг, 1925, с. 718].

В обыденном представлении носителей русского и тувинского языков¹ орел исполнен царственного величия и могущества (всего 19/12): орел *величественный 4; всемогущий; могущественный*. С орлом ассоциируется *величие 3; величество; великий человек уподобляется орлу*. Орел — это рус. *царь птиц 3, король 3; тув. тайга ээзи (хозяин тайги); «дээр ээзи» (хозяин неба); куштар ээзи боорга (хозяин птиц); куштарның тергиини (совершенство среди птиц); өскелерден чүү-даа талазы-биле бедик (лучшие других птиц)*. Орел, по признанию одного из русскоязычных респондентов, «звучит могущественно».

Символическое осмысление орла в сопряжении с идеей физической силы, мощи, мужества, воинственности, маскулинности поддерживается посредством ассоциаций, сопряженных с возможными объектами номинации. Бионимами *орел / эзир* могут номинироваться *военный самолет 2; военный корабль²; магазин военной формы или атрибутики; охранное агентство 4; магазин спортивного инвентаря 2; магазин парашютного снаряжения; спорткомплекс; штурмовой ураган; магазин мужских костюмов; тув. аңчы улустуң садыы (магазин охотника); эр улус херекселдери садыы (магазин товаров для мужчин)*.

Ассоциативный материал обнаруживает ассоциаты, представляющие эстетическую оценку орла (всего 12/7): в обыденном представлении русских и тувинцев орел *красивый 10; красивая птица; красавец; онза чараш куш (очень красивая птица) 3; эң шевер куштарның бирээзи (одна из самых красивых птиц)*.

В ассоциативном поле бионимов *орел / эзир* обнаруживаются символические признаки. О символическом образе птицы в русской лингвокультуре см. [Ма Лиши, 2022, с. 16—17]. Традиционно орел выступает

1 Восприятие орла как главного среди птиц, «хозяина небес» характерно для ряда народов, в том числе славянских, см. [Гура, 1997, с. 610—611].

2 Примечательно, что первый русский военный корабль в честь русского государственно-го герба был назван «Орлом» (1669) [<https://flot.com/history/io1-1.htm>].

как символ гордости (всего 88/19): рус. *гордый* 27; *гордая птица* 10; *гордость* 9; *гордый вид* 6; *гордый орел* 5; тув. *чоргаар (гордый)* 7; *чоргаар куш (гордая птица)* 5; *чоргаар эзир (гордый орел)*. Признак гордости актуализируется при метафорических номинациях: орел — это *гордый человек* 19; тув. *чоргаар эр (гордый мужчина)*; в сравнительных оборотах — рус. *гордый, как орел* 12; тув. *эзир ышкаш чоргаар (гордый, как орел)* 2. Данный признак более частотен в ответах русскоязычных респондентов.

Символическое восприятие орла как величественной, сильной и смелой птицы лежит в основе возведения этой птицы в ранг государственного символа (геральдический признак) (всего 36/2): рус. *двуглавый* 9; *герб* 5; *символ России* 4; *США* 4; *Россия* 2; тув. *сүлде (герб)* 2. Такого рода ассоциации представлены преимущественно в ответах русскоязычных респондентов. В этой же группе респондентов присутствуют ассоциации, отсылающие к одноименному российскому городу: *город Орел* 4; «*орел твердой порубежной с эпохи Грозного царя*» (Ю. Строев «Гимн города Орла»).

Среди символических признаков орла называется признак свободы. В представлении русского человека образ орла устойчиво ассоциируется со свободой (всего 25): рус. *свобода* 12; *символ свободы* 5; *свободная птица* 5; *орел — птица свободы!* 2. Идея свободолюбия звучит в сравнительных конструкциях и метафорических номинациях, где данный сигнификативный компонент референцируется на человека: рус. *свободный, как орел*; *свободный и величавый человек*.

Лишь в ответах носителей русского языка зафиксированы ассоциации, объединенные темой нумизматики: *монета* 11; *орел и решка* 4; *сторона монеты* 4; *решка* 3; *другая / оборотная сторона монеты* 3, а также связанное с этой темой название ТВ-программы: *теле-шоу* 3.

В эстетических представлениях русского и тувинского человека орел является метафорическим воплощением лучших мужских качеств: силы, храбрости, мужественной красоты. Гендерный символизм, основанный на восприятии орла как птицы, стереотипно воплощающей маскулинное начало, актуализируется посредством многочисленных ассоциаций, которые возникают на базе метафорической номинации мужчины (преимущественно молодого): рус. *молодой человек* 13; *мужчина* 6; *сильный молодой человек* 6; *лидер* 2; *статный человек* 2; *мудрый* 2; *ну парень, прям орел!*; *Орел!* = *молодец*; *молодой человек с Кавказа*; *видный человек*, *широкоплечий мужчина*, *отважный/храбрый человек*; тув. *эзир куш дег эрес эрлер (храбрые, как орлы, мужчины)*; *куштүг эр кижини (сильный мужчина)*; *куш эрестиг кижини (сильный смелый человек)*; *дурт-сыны чараш эр кижини дөмөйлөп болур (можно сравнить мужчину с красивой фигурой)*; *эзир ышкаш чараш (красивый, как орел)*.

Среди прочих ответов, полученных от носителей тувинского языка, выделяются ассоциации, содержащие национально-культурную специфику. В восприятии тувинца эзир (орел) — это *эки аьт ээзи (хозяин хорошего коня), ээзи (хозяин)*. В языковой картине мира тувинцев — кочевого народа — образ коня занимает особое место. «Через культ коня проявлена освоенность жизненного пространства кочевника» [Ондар, 2014, с. 9]. Потому мужчина в традиционной тувинской культуре — это прежде всего наездник, хозяин хорошего скакуна.

Орнитоморфная символика прослеживается в тувинском мужском имени: *кижи ады «Эзир-оол» (мужское имя Эзир-оол) 17; оолдар ады (имя для мальчика) 2. Эзир-оол является распространенным мужским именем в тувинской лингвокультуре. Зафиксированы и такие ответы: ыт ады (кличка собаки) 3.*

В сфере «прецедентные тексты» имеют место цитаты из песенных, стихотворных произведений, отражающих особенности восприятия этих бионимов в описываемых языках: «Вскормленный в неволе орел молодой» 4 (А. С. Пушкин «Узник»); «Взвейтесь, соколы, орлами!» (русская народная солдатская строевая песня)¹; «Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца» (В. Я. Строчков «Песни пламенных лет»); «Орлята учатся летать» (Н. Н. Добронравов «Орлята учатся летать»); «Выходила песню заводила про степного сизого орла» (песня «Катюша»); «Над очертаньем рек и сел парит, парит степной орел» 3 (песня А. Маршала «Не улетай»); «Хороший ты парень, но не орел» (фильм «Простая история»); тув. чор-гаар чуртап чоруур (свободно жить. Слова из песни). В русскоязычных ответах обнаружены ассоциации, отсылающие к древнегреческому мифу о Прометее: Прометей 2; картина «Орел, терзающий Прометей».

Ассоциативный портрет бионимов *орел / эзир* дополняют русские и тувинские пословицы: рус. *Не учи орла летать, а соловья петь 2; Орел не ловит мух 2; Орлы летают одиноко, бараны пасутся стадами*; тув. *эки эзир тевер, кусун, сааскан дойлаар (хороший орел добудет, вороны, сороки пируют).*

3.2. Национально-специфические свойства бионимов *орел / эзир*

У представителей тувинской лингвокультуры орел (*эзир*) устойчиво ассоциируется с национальной борьбой хуреш (всего 69 ассоциаций, в том числе *хуреш 11*). Хуреш — ритульная игра тувинского праздника На-

1 Л. Ю. Гусев в своей работе «Птицы русского фольклора» отмечает, что орнитоним орел по частоте упоминания в русских народных песнях и былинах стоит среди птиц на втором месте после сокола [Гусев, 1996 с. 55]. Проследивая связь образов птиц с жанровой принадлежностью фольклорного текста, автор отмечает, что образ орла представлен преимущественно в исторических песнях и притчах.

адым, которая «выявляет и социально возносит мужское начало» [Ондар, 2014, с. 11]. Неотъемлемой частью борьбы хуреш является исполнение танца орла (девиг). В представлении носителей тувинского языка эзир (орел) — это *мөге (борец хуреш) 13; эзир мөге (орел-борец — почетное звание лучшего борца хуреш) 6; хуреш киржикчизи (участник соревнования по национальной борьбе) 2* (всего 24 ассоциации).

Полет орла в восприятии тувинцев подобен танцу: *тевер куш (танцующая птица) 5, эзир девиг чор (орел танцует)*. «Борцы, исполняющие танец орла, выходя в начале соревнований к краю поля перед судьями и зрителями и медленно ступая, раскинув широко руки, как крылья, подражают птичьему полету высоко в облаках» [Санчай, 2014, с. 114]. Тувинский танец девиг (танец орла) предстает как «интегральное явление культуры, в котором характерные для представителей тувинского этноса <...> ритуально-обрядовые движения <...> окрашены этнокультурными смыслами и связаны с этнокультурной идентификацией» [Ондар, 2016, с. 6]. Борец, исполняющий танец орла, «не только присваивает себе качества орла, но и внешне буквально перевоплощается в него» [Там же, с. 11]: *девиир (танцевать в национальной борьбе) 6; эзир куш дег девиг самна (как орел, танцуй) 4; эзир дег девиир (танцует, как орел) 3; ачам эзирниң девиш деп шаңнал алган (мой отец взял приз «Танец орла»); мөгелер шүгеш эзир дег девиир (борцы, выиграв, танцуют как орлы); зирлер дег мөгелер (борцы, словно орлы)* (всего 39 ассоциаций, отсылающих к образу борца хуреш). Борца хуреш отличает *хэрээ делгем* (широкая грудь), «*кушкаш хөректиг*» (дословно «с птичьей грудью»). Внешне такая грудь имеет посередине более четкое разграничение грудных мышц. Тувинцы считают людей с такой грудью более более predisposed к успешному занятию борьбой.

Ассоциации, восходящие к танцу орла, широко представлены при перечислении возможных предметов номинации: *хуреш залының ады (название спортивного зала для борьбы) 5; «Эзирлер уязы» — спортзал ады («Гнездо орла» — название спортзала) 2* (всего 12 ассоциаций, восходящих к названию спортивного зала для борьбы хуреш). Единичны ассоциации *тыва торгулар сады* (магазин тувинского шёлка); *кафе ады (название кафе)*.

«Образ орла в миропонимании тувинцев тесно связан с Небом (Верхним миром) силой, скоростью и справедливостью» [Там же]. В ответах тувинских респондентов наблюдается значительная частотность ассоциаций, соотносительных с семантическим признаком ‘небо’ (ср. 9 ассоциаций в русскоязычных ответах и 43 в тувинских): рус. *небо 5; летит высоко в небе*; тув. *дээр (небо) 27; дээрде ужар (летающий по небу) 10*. В представлении тувинца орел — это *дээр эзи* (хозяин неба). Полагаем,

что небо воспринимается тувинскими респондентами не только как воздушное пространство, где парит орел, а как место обитания высших сил, посредником с которыми выступает орел. Подобное восприятие неба отражает особенности национального мировидения тувинцев, а именно существование в духовной культуре этого народа культа Неба, имеющего смысл духовного Неба-Отца [Смадан, 2018, с. 502].

4. Заключение = Conclusion

Таким образом, проведенное исследование позволяет выявить объем и реальное содержание слова-бионима в обыденном сознании носителей русского и тувинского языков.

Обнаруживается ряд признаков, которые обуславливаются объективными свойствами денотата. В ассоциативном поле бионима вербализуются ассоциации, актуализирующие внешние характеристики птицы (цвет оперения, большие крылья, крючковатый нос), ее поведенческие (способность парить высоко в небе, гнездование, нападение на жертву, место обитания) и физические (физическая сила, зоркость) качества. В обыденном представлении русского человека и тувинца орел устойчиво ассоциируется с хищной птицей, обладающей мощным телосложением, крючковатым клювом, длинными когтями, позволяющими захватывать добычу.

При обнаружении некоторой типизированности в обозначении внешних и поведенческих характеристик орла у представителей обеих лингвокультур обнаруживаются различия в частотности проявления ряда признаков. Представители тувинской лингвокультуры «более сведущи» в описании внешних признаков орла, его поведенческих качеств (характер пищи и особенности ее добывания посредством охоты, место обитания). Полагаем, что данное обстоятельство связано с географическими особенностями региона, в котором проживают тувинцы. Тува располагается в центральной части Азии, где представлен, помимо таежного, пустынно-степной ландшафт. Открытое пространство позволяет человеку наблюдать за этой птицей.

В ответах носителей обоих языков актуализируются символические признаки бионима. Представители русской и тувинской лингвокультуры оценивают орла с позиции гендерной эстетики. Эстетический идеал русского и тувинского мужчины связан с орлом. Орел выступает как воплощение маскулинного начала и сопряженных с ним понятий силы, мужественной красоты, храбрости. Однако проявленность символических характеристик орла различна. Русскоязычные информанты более разнообразны в оценочно-символической характеристике орла: орел ассоциируется с гордостью, свободой, статью, уверенностью в себе, мудростью. Преимущественно в русскоязычных ответах эксплицируется геральдический признак.

В содержании исследуемых бионимов выявляется мифологический компонент, восходящий к культу орла и поддерживаемый историческими и национально-культурными традициями народа. В обыденном сознании русских и тувинцев сохраняется мифологическое восприятие орла как величественной и могущественной птицы — царя птиц. Выраженность мифологического содержания бионимов в большей степени обнаруживается в ответах тувинских респондентов, что обуславливается традициями, восходящими к национальной тувинской борьбе хуреш. В танце орла тувинский мужчина — борец хуреш — перевоплощается в орла, «примеряет» на себя качества этой птицы, его силу и храбрость.

Итак, концептуальное содержание бионимов *орел* / *эзир* обнаруживает в русской и тувинской лингвокультурах амбивалентное восприятие данной птицы: с одной стороны, это сильная, величественная, свободная, парящая высоко в небе птица, символически являющая собой воплощение всех мужских добродетелей, пользующаяся особым почитанием и избираемая в качестве государственного символа, с другой стороны, орел ассоциируется с птицей хищной, опасной, жестокой, внушающей страх. Мифологическое восприятие орла как царственной и могущественной птицы, выполняющей роль посредника между Небом и Землей, более явно прослеживается в тувинской лингвокультуре. В обыденном представлении носителя тувинского языка орел воплощается как величественная «танцующая» птица, подражание полету наполняется этнокультурным смыслом и связывается с этнокультурной идентификацией.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БТС — *Большой толковый словарь русского языка* / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — 1534 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
2. БТСРГ — *Большой толковый словарь русских глаголов* : свыше 10 000 глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Москва : АСТ-ПРЕСС, 2007. — 573 с. — ISBN 978-5-462-00615-9.
3. СОТРС — *Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы* : в 2 т. / М. Ю. Басалаева, М. Е. Воробьева, Н. Д. Голев, Я. А. Дударева, А. В. Замилова, Л. Г. Ким, Е. В. Кишина, Т. Ю. Кузнецова, Н. В. Мельник. — Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2012. — Т. 1 : А—М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов). — 536 с.
4. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. — Москва : Астрель : АСТ, 2008. — 828 с. — ISBN 978-5-17-049014-1.

5. Шанский Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка : происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. — Москва : Дрофа, 2001. — 399 с. — ISBN 5-7107-8679-9.

Литература

1. Бирвиш М. Семантика / М. Бирвиш // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1981. — Выпуск 10. — С. 177—198.
2. Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология и ее терминотема / С. Г. Воркачев // Политическая лингвистика. — 2014. — № 3 (49). — С. 12—20.
3. Голев Н. Д. Разноязычный словарь обыденной семантики бионимов как источник сопоставительных исследований наивной картины мира носителей различных языков / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким, С. В. Степанович // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — № 2. — С. 29—35.
4. Гусев Л. Ю. Птицы русского фольклора : Лингвистическое исследование / Л. Ю. Гусев. — Курск : Издательство Курского педагогического университета, 1996. — 111 с.
5. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. — Москва : Индрик, 1997. — 912 с.
6. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 17—33.
7. Кубрякова Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — ISBN 5-94457-174-8.
8. Ланге-Соболева Т. А. Проблема раскрытия термина «концептуализация» в современной лингвистике / Т. А. Ланге-Соболева // Наука и образование сегодня. — 2021. — № 6 (65). — С. 27—32.
9. Лебедева Н. Б. Обыденная семантика бионимов в славянских и неславянских лингвокультурах (по результатам эксперимента) / Н. Б. Лебедева, Т. Г. Рабенко // Русин. — 2019. — № 56. — С. 226—241. — DOI: 10.17223/18572685/56/14.
10. Ма Лиши. Символизация орнитологических образов в русской лингвокультуре : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Ма Лиши. — Москва, 2022. — 19 с.
11. Маслова В. А. Современная лингвистика — наука о человеке, его сознании, языке и культуре / В. А. Маслова // Гуманитарный вектор. — 2018. — Выпуск 13. — № 1. — С. 6—11. — DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-1-6-11.
12. Мосиенко М. К. «Обыденное сознание» и смежные термины / М. К. Мосиенко // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. — 2014. — № 1. — С. 249—252.
13. Ондар И. О. Генезис и трансформация тувинского танца в культуре Тувы : автореферат диссертации ... кандидата культурологии : 24.00.01 / И. О. Ондар. — Красноярск, 2016. — 24 с.
14. Павлѐнис Р. И. Проблема смысла : современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павлѐнис. — Москва : Мысль, 1983. — 286 с.
15. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2007. — 250 с.
16. Самдан З. Б. Символика времени и пространства в тувинской мифологии / З. Б. Самдан // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 6 (73). — С. 501—504.

17. Санчай Ч. Х. «Танец орла» — духовно-художественное наследие тувинского народа / Ч. Х. Санчай // Новые исследования Тувы : электронный информационный журнал. — 2014. — № 1. — С. 113—119.

18. Семаш А. Ю. Обыденное сознание и коммуникативные аспекты рекламы : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.01 / А. Ю. Семаш. — Санкт-Петербург, 2003. — 16 с.

19. Уфимцева Н. В. Языковая картина мира и ассоциативная лексикография / Н. В. Уфимцева, О. В. Балясникова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2019. — Т. 18. — № 1. — С. 6—22. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.1>.

20. Штернберг Л. Я. Культ орла у сибирских народов : Этюд по сравнительному фольклору / Л. Я. Штернберг. — Ленинград : Издательство академии наук СССР, 1925. — С. 717—740.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023,
одобрена после рецензирования 14.04.2023,
подготовлена к публикации 24.04.2023.

Material resources

BTS — *A large explanatory dictionary of the Russian language*. (1998). St. Petersburg: Norint. 1534 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).

BTSRG — *A large explanatory dictionary of Russian verbs: more than 10,000 verbs. Ideographic description. Synonyms. Antonyms. English equivalents*. (2007). Moscow: AST-PRESS. 573 p. ISBN 978-5-462-00615-9. (In Russ.).

Fedorov, A. I. (2008). *Phraseological dictionary of the Russian literary language*. Moscow: Astrel: AST. 828 p. ISBN 978-5-17-049014-1. (In Russ.).

Shansky, N. M., Bobrova, T. A. (2001). *School etymological dictionary of the Russian language: the origin of words*. Moscow: Bustard. 399 p. ISBN 5-7107-8679-9. (In Russ.).

SOTRS — *Dictionary of everyday interpretations of Russian words. Dictionary of Nature: in 2 volumes, 1: A—M (APRICOT—ANT) (478 words-stimuli)*. (2012). Kemerovo: Kemerovo State University. 536 p. (In Russ.).

References

Birvish, M. (1981). Semantics. In: *New in foreign linguistics, 10*. Moscow: Progress. 177—198. (In Russ.).

Demyankov, V. Z. (1994). Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach. *Questions of linguistics, 4*: 17—33. (In Russ.).

Golev, N. D., Kim, L. G., Stevanovich, S. V. Multilingual dictionary of everyday semantics of bionyms as a source of comparative studies of the naive picture of the world of speakers of various languages. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2*: 29—35. (In Russ.).

Gura, A. V. (1997). *Animal symbolism in the Slavic folk tradition*. Moscow: Indrik. 912 p. (In Russ.).

Gusev, L. Yu. (1996). *Birds of Russian folklore: Linguistic research*. Kursk: Publishing House of Kursk Pedagogical University. 111 p. (In Russ.).

Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in*

- the knowledge of the world*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 560 p. ISBN 5-94457-174-8. (In Russ.).
- Lange-Soboleva, T. A. (2021). The problem of disclosure of the term “conceptualization” in modern linguistics. *Science and Education today*, 6 (65): 27—32. (In Russ.).
- Lebedeva, N. B., Rabenko, T. G. (2019). Everyday semantics of bionyms in Slavic and non-Slavic linguocultures (according to the results of the experiment). *Ru-sin*, 56: 226—241. DOI: 10.17223/18572685/56/14. (In Russ.).
- Ma Lishi. (2022). *Symbolization of ornithological images in the Russian linguoculture*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 19 p. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2018). Modern linguistics — the science of man, his consciousness, language and culture. *Humanitarian Vector*, 13 (1): 6—11. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-1-6-11. (In Russ.).
- Mosienko, M. K. (2014). “Everyday consciousness” and related terms. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*, 1: 249—252. (In Russ.).
- Ondar, I. O. (2016). *Genesis and transformation of Tuvan dance in Tuva culture*. Author’s abstract of PhD Diss. Krasnoyarsk. 24 p. (In Russ.).
- Pavlenis, R. I. (1983). *The problem of meaning: a modern logical and philosophical analysis of language*. Moscow: Mysl. 286 p. (In Russ.).
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Semantic and cognitive analysis of language*. Voronezh: Istoki. 250 p. (In Russ.).
- Samdan, Z. B. (2018). The symbolism of time and space in Tuvan mythology. *The world of science, culture, education*, 6 (73): 501—504. (In Russ.).
- Sanchai, Ch. Kh. (2014). “Eagle dance” — the spiritual and artistic heritage of the Tuvan people. *New studies of Tuva: electronic information journal*, 1: 113—119. (In Russ.).
- Semash, A. Yu. (2003). *Everyday consciousness and communicative aspects of advertising*. Author’s abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 16 p. (In Russ.).
- Sternberg, L. Ya. (1925). *The cult of the eagle among the Siberian peoples: An etude on comparative folklore*. Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 717—740. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V., Balyasnikova, O. V. (2019). Linguistic picture of the world and associative lexicography. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 18 (1): 6—22. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.1>. (In Russ.).
- Vorkachev, S. G. (2014). Linguocultural conceptology and its terminological system. *Political Linguistics*, 3 (49): 12—20. (In Russ.).

*The article was submitted 20.02.2023;
approved after reviewing 14.04.2023;
accepted for publication 24.04.2023.*